

УДК 140.8+141.2
ББК 87.21

М. А. Меликян

ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ: В ПОИСКАХ ОПТИМУМА

В статье рассматривается проблема человека в условиях становления глобального общества потребления, в котором доминирующую роль играет человек экономический, смысл жизни которого заключается в стремлении иметь, владеть и потреблять. Но автор показывает, что наряду с потребительской антропологической моделью существует аскетическая (ноосферная) модель праксиологии, раскрываемая через категорию ноосферного человека. Ярким образцом такой личности, по мнению автора, является Альберт Швейцер.

Ключевые слова: общество потребления, глобальное общество потребления, человек экономический, совершенный человек, ноосферный человек.

M. A. Melikyan

THE MAN IN THE SOCIETY OF GLOBAL CONSUMPTION: IN SEARCH OF OPTIMUM

The article deals with the problem of human in the conditions of a global consumer society formation. The author states the dominant role of «homo economicus» in contemporary economics. It is shown that essence of the modern economic life consists in the desire to have, own and consume. The author also shows that along with consumerism anthropological model there is the path of the noospheric man. A vivid example of such a person, according to the author, is Albert Schweitzer.

Keywords: consumer society, global consumer society, an economic man, a perfect man, a noospheric man.

Меликян Мерине Акоповна [Merine A. Melikyan] — кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Ивановский государственный университет [Ivanovo State University]. E-mail: merimelikyuan@mail.ru.

Материал поступил в редакцию 26.06.2017; рекомендован к публикации 1.10.2017. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор философских наук Смирнов Дмитрий Григорьевич.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (РГНФ) научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

Пессимистические прогнозы XX века о становлении общества потребления [2; 27] превращаются в реальную угрозу для современного человека. Мы видим основную опасность подобной транзитивности не в каких-то социоэкономических кейсах, отражающих глубокий кризис мировой экономической и финансовой системы, а, прежде всего, в том, как переход к «цифровой» (а по сути числовой, рейтинговой, «показательной (показушной)») экономике отзывается в индивидуальном и коллективном сознании. Насколько такая постановка проблемы в современном научном дискурсе актуальна и востребована, хорошо видно при обращении к (философско-) антропологической проблематике.

Человек экономический: полная победа? Проблема человека, ставшая одной из самых сложных проблем в философии, в условиях становления нового общества глобального потребления получает новое содержание. Об обществе потребления, идею которого «застолбил» Э. Фромм [27; 28], в последние десятилетия стали все чаще и чаще говорить в научном и философском дискурсе [1; 8; 10; 14; 25]. И это неудивительно, если учесть, какое *формирующее* влияние оно оказывает на современного человека. Думаю, мы будем не далеки от истины, если скажем, что общество глобального потребления воспитывает человека с паразитическим сознанием, целью жизни которого должно стать постоянное, непрекращающееся, не всегда обдуманное стремление иметь и владеть (овладевать), а не строить и созидать.

Исследователи нашли для подобного антропологического феномена удачную метафору — человек экономический². Homo economicus оказался продуктом современного ему общества. Его главным свойством становится особая экономическая рациональность [4, с. 19]. Человек экономический, как показывает В. П. Веряскина, закрыт от всех остальных людей, и взаимодействие между ним и остальным миром происходит только в результате процесса обмена (материальными, по преимуществу, благами), в котором он пытается найти свою выгоду. Несмотря на такую нелестную во многом оценку, будущее целых поколений человечества оказывается в руках именно человека экономического, «то есть во власти слепых субъектов рынка власти и капитала планеты» [3, с. 144]. Вердикт, или точнее прогноз, в этом случае звучит не утешительно: «Homo business берет верх над Homo sapiens» [Там же]. Для нас в этом контексте главное то, что потребительство рассматривается здесь как сущностная черта современного человека, говоря языком системной методологии — концептом его жизнедеятельности. Поэтому, пафос приведенных выше цитат не должен смущать читателя, ибо, по сути, содержание верно отражает разворачивающуюся социокультурную реальность.

² *Примечание:* некоторые философы для усиления катастрофичности тазауруса используют эпитеты, находящиеся на грани научной коммуникации — например, потреблятьство [9].

«Первобытная» детерминация: сущее vs должное. Можно конечно возразить, что подобная трактовка свидетельствует лишь об определенном тренде в социокультурной динамике, которая во многом не зависит от индивида и коллективов, в которые он включен. Вместе с тем, следует помнить, что такая постановка проблемы говорит о «первобытной» детерминации: для человека наиболее значимо то, с чем он сталкивается изо дня в день и от чего напрямую зависит его выживание. Такая натуралистическая причинно-следственная связь неизбежно подводит к вопросу о сущностной детерминации бытия, отзвуком которой является уже упоминавшаяся фроммовская парадигма «быть vs иметь», заключающаяся в наличной доминации должного или сущного. Это в определенном смысле — вариация на тему основного вопроса философии: сознание или материя. Только здесь противоположностями становятся «моральный закон во мне» или «экономический закон для меня».

Существование в условиях постоянной погони за материальными благами в определенный момент заставляет человека задаться вопросом о том, а для чего это нужно и коснуться проблемы предназначения человека и смысла его жизни. Парадоксальность данного вопроса заключается в том, что ответить на него однозначно невозможно, но не затрагивать его тоже нельзя. Религия, искусство, философия и другие срезы культуры на протяжении всей истории развития человеческой мысли пытаются найти разгадку тайны смысла человеческого бытия. Но в каждую эпоху перед человеком ставятся свои задачи и цели, которые задают и заполняют жизнь тем или иным содержанием, зачастую забирая силы и попусту тратя время, отведенное на «окончательную победу над абсурдом». В нашей системе референций, базирующейся на системном подходе, место системообразующего свойства занимает метафора должного.

Концепт совершенства: альтруизм против эгоизма. Одним из имманентных качеств человека является его стремление к совершенству [12;15; 23]. Он пытается изменять к лучшему не только ту действительность, которая его окружает, но и самого себя. Как отмечал С. Л. Франк, человек не только желает быть большим, чем он есть, но и на самом деле он есть больше, чем то, что он есть [26, с. 76]. Получается, что человек, ориентированный на некий совершенный образ (чувственного или логического плана) уже больше, чем он есть в действительности. И в этом проявляется его экзистенциальная природа как проекта. Можно конечно свести данный вывод к тривиальному императиву: «хочешь быть лучше, будь им». Вместе с тем, он вновь возвращает нас к проблеме критической значимости цели, или, в синергетической терминологии, аттрактора жизнедеятельности каждого конкретного индивида и общества в целом. Рассматривая гуманность в качестве такого аттрактора социального бытия, Э. Фромм отмечал, что «для полной гуманизации человека необходим прорыв от потребительской к деятельностной ориентации, от себялюбия и эгоизма к солидарно-

сти и альтруизму» [27, с. 6]. Нам представляется, что подобная экзистенциальная ситуация, ситуация экстремального выбора между эгоизмом и альтруизмом, есть не что иное как предпосылка к подлинной человеческой революции, которая собственно и задает смысл человеческого существования.

Смысл смысла жизни. В XX веке вопрос смысла жизни особым образом раскрывается в творчестве представителей русской религиозной философии, русского космизма, по-новому интерпретируют эту проблему в западных философских школах. Так, например, один из героев Ж.-П. Сартра, называя себя гуманистом, говорит о том, что смысл жизни заключается в наличии цели, а «цель у жизни <...> есть люди» [16, с. 123]. Оказывается (в западной традиции), уже одно только существование людей дает право говорить о том, что смысл в жизни есть, даже если эта жизнь сама по себе бессмысленна. Думается, что смысл жизни, с философской точки зрения, «находится» (обнаруживает себя) не людях самих по себе, сколько в отношениях к ним и с ними. Иначе говоря, разворачивается потребительская доминация «иметь» над антропологической ориентацией «быть», что противоречит исходному гуманистическому послылу.

Вопрос о смысле до сих пор остается открытым, неразрешенным, но необходимым. Современному человеку, как и человеку XVIII или XIX веков, нужно понять, для чего он живет, попытаться найти свое место в мироздании. Он оказался в ситуации, когда он в бурном потоке информации и технизации должен суметь не потерять себя. Хаос повседневности и личного благополучия рассасывает его, тянет в глубинное болото. В стремлении добиться успеха, признания, карьерного роста, у него не остается времени остановиться и спросить у себя, а для чего он это делает. Многие пытаются, используя виртуальную реальность, уйти от этой повседневности, погрузиться в ими же выстроенный параллельный мир, но это так же не способствует выходу из сложившейся ситуации. Такое существование, по мнению И. В. Дмитревской, ведет на путь смерти, а на путь жизни может привести ноосферный смысл, который рассматривается как особый способ понимания жизни.

Ноосферный человек как смысл и цель. В «основе» ноосферного бытия находится человек, цель которого заключается в «конструировании ноосферной реальности (действительности) и создании ноосферной личности» [7, с. 52], жизнь и деятельность которого подчиняется основному ноосферному закону. Эту мысль крайней важности не стоит понимать буквально. Цель человека весьма динамична и сводить ее к конструированию ноосферной реальности не совсем корректно. На самом деле, попадая в ноосферно-семиотический круговорот [21], человек, сам того не замечая, творит ноосферное бытие. Он есть его антропологическое выражение. Реальность ноосферы здесь выходит за рамки оценочных суждений: она такая, какая есть. Фатические коннотации, которыми зачастую сопровождаются рассуждения о ноосфере,

как выпадающие из научного тезауруса, должны быть нами отброшены. Но здесь предмет нашего разговора — ноосферный человек, теория которого подкреплена весомой антропологической практикой. Ноосферный человек (так же как и в случае с ноосферой) не представляет собой совершенство; он лишь одна из современных репрезентаций идеи совершенного человека. Его особенностью в антропологическом ключе является способность компенсировать смысловую валентность информации через посредство семиотической (и, шире, поведенческой) деятельности. Мы касались ранее этого вопроса [11; 13], но в данном контексте он обретает новое звучание.

Ноосферное миропостроение: опыт А. Швейцера. В самом широком (в данном случае, художественном) плане, ноосферный человек это человек, которого переполняет жажда жизни и созидающая деятельность. Таким человеком в нашем понимании может считаться Альберт Швейцер — яркий образец личности, сумевшей найти оптимум (который в аксиологическом срезе, как, например, у Канта, неожиданно может обрести статус максимума) личного бытия. Во многом его жизненный путь демонстрирует необщезначительность парадигмы глобального потребления, которая, к сожалению, стала существенным компонентом современного глобального созидания³.

История жизни доктора из Ламбарене, известна многим. Это человек, который в отличие от многих, не побоялся изменить свою жизнь ради того, чтобы оказать помощь нуждающимся, который сумел реализовать свою идею. Многие люди рассуждают о том, что необходимо оказывать помощь страждущим, но далеко не все могут «бросить все» и «уехать в никуда». На словах все легко, а вот на деле все оказывается намного сложнее. Швейцер не побоялся неизвестности, трудностей, хотя и знал о них. Говоря словами А. А. Гусейнова, «он взял на себя ответственность за свою жизнь, направил ее в то русло, которое он считал правильным и наполнил тем смыслом, который он находил наилучшим» [6, с. 220]. Он прошел нелегкий путь духовного становления. Будучи ребенком, он с состраданием относился к тем бедствиям, которые происходили в окружающей его действительности. «Непринужденной детской радости жизни я, собственно, никогда не знал и думаю, что у многих детей дело обстоит так же, хотя бы внешне они и казались веселыми и беззаботными» [31, с. 12] — пишет мыслитель в своей автобиографии.

³ *Примечание:* заметим здесь, что в нашем понимании глобальное сознание не есть количественная характеристика. Это, скорее, качественная черта современного сознания, выражаемая в формулах различных императивов: экологического, нравственного, экономического, семиотического и т. д. Для нас глобальное сознание есть проективный феномен: локальное сознание, которое, парафразируя И. Канта, одновременно претендует на статус всеобщего законодательства. Отсюда следует принимаемый нами тезис о нескольких моделях глобального сознания [19].

Он воспитывался в обеспеченной семье, и это заставляло его всегда чувствовать себя виноватым перед друзьями, словно эта была его вина. К решению посвятить себя людям он приходит неожиданно как для себя, так и для окружающих. Вот как он объясняет свое решение посвятить свою жизнь больным Экваториальной Африки, которое в дальнейшем изменило всю его жизнь: «Я оставил преподавание в Страсбургском университете, игру на органе и литературную работу, чтобы поехать врачом в Экваториальную Африку. Как я к этому пришел? О физических страданиях живущих в девственном лесу туземцев я читал и слышал от миссионеров. Чем больше я об этом думал, тем непонятнее казалось мне, что нас, европейцев, так мало заботит та великая гуманистическая задача, которую ставят перед нами эти далекие страны. Мне представлялось, что в притче о богатом и о нищем Лазаре речь идет именно о нас» [30, с. 9]. Спустя много лет эти слова звучат крайне актуально. Переводя на современный язык глобалистики, перед нами проблема золотого миллиарда и лишних (тощих) миллиардов. Глобальное сознание типа «иметь», характерное для первого, до сих пор противостоит глобальному сознанию типа «быть» (существовать, выжить), свойственное для последних. В этом контексте, «Швейцер до» есть не что иное как автобиографическая персонификация западного мира, человека западной культуры, мучающегося этическими соображениями, остро переживающего несправедливость, но довольствующегося тем, что имеет; «Швейцер после» предстает как «новообращенный», видящий смысл жизнедеятельности за пределами своего, по сути, абсурдного существования.

Труд Швейцера и желание помочь другим победили. На вопрос «Как можно найти общий язык с представителем совершенно другой культуры?» мыслитель отвечал, что необходимо показать, что в каждом человеке уважаешь его человеческое достоинство, и самое главное — необходимо показать, что между тобой и между ним есть «духовное братство» [30, с. 82]. «Дитя природы, которому неведома наша извращенность, знает лишь элементарные критерии и измеряет все самым естественным из них — нравственным. Когда он обнаруживает в белом доброту, правдивость, внутреннее достоинство — за тем внешним, которое определяется самими обстоятельствами, он склоняет перед ним голову и признает в нем наставника и господина» [30, с. 84]. Глобальность, по Швейцеру, предполагает апелляцию к равенству, мерилom которого оказывается нравственность. Обратим внимание, что здесь есть намек на справедливость, но эта идея не занимает главенствующего положения. Возможно, так происходит и потому, что последняя как раз мыслится в экономическом плане: как мера соответствия вложенного и полученного. Нравственный императив предполагает совершенно иную — безвозмездную — парадигму поведения.

Основные этические взгляды Альберта Швейцера изложены в его книге «Этика и культура» [29], где он сравнивает современное ему время с упавшей лошадью, которая запуталась в постромках. Время стремится решить трудные проблемы, с которыми встретилось, с помощью чрезвычайных мер и новой организации, а упавшая лошадь может подняться на ноги только тогда, когда с нее снимут всю сбрую и дадут выпрямить голову. «Наш мир поднимется на ноги, когда поймет, что его выздоровление зависит не от каких-либо мероприятий, а от новых идей. Но путь к новым убеждениям людям укажет только истинное и полноценное мировоззрение, а таковым, единственно полноценным мировоззрением является оптимистически-этическое мировоззрение» [29, с. 272]. Швейцер метафорически точно дал характеристику и нашему современному состоянию. Современное общество, к сожалению, не знает (или не помнит, или думает, что не помнит) другого состояния, отличного от огульного капитализма эпохи глобального потребительства. Необходимое обновление в настоящий момент может быть связано только с подобными энтузиастами своего дела, обладающими глобальным измерением индивидуального сознания.

Именно любовь к жизни, благоговение перед жизнью, любовь к людям независимо от их расы, национальности, языка, социального положения, может объединить людей. Принцип благоговения перед жизнью заставляет человека принимать живое участие во всем, что вокруг происходит, а не быть пассивным зрителем. Именно это чувство слиянности со всем делает человека ответственным не только за свои собственные поступки, но и за все, что происходит вокруг. А. А. Гусейнов отмечает, что «единство мысли и действия — характерная черта всех великих моралистов. Заслуга А. Швейцера состоит в том, что он продемонстрировал эту черту в наше время всеобщей стандартизации и обезличенности. Он противопоставил ясность и простоту нравственно ответственного поведения анонимной жестокости XX века» [5, с. 233]. От себя добавим, что синтез теории и практики свойственен не только великим моралистам: подобный сильный синтез характеризует индивидов с доминацией глобального в организованности сознания, вырастающего, в свою очередь, из особого, в хорошем смысле «тотального» мироощущения. Глобальность современности заключается именно в сильном синтезе мысли и действия, в частности по принципу «мысли локально, действуй глобально». Думаю, мы не погрешим против истины, когда скажем, что это экономическое всегда стандартизирует и, соответственно, обезличивает, в то время как нравственное специфицирует. Возможно, именно в этом и заключается природа их неразрешимого противостояния.

Глобальность как уровневость. Оптимум материального и, что немало важно, духовного потребления определяется индивидуально. Эта мысль может показаться опять-таки тривиальной, но она не является следствием «абсолютного релятивизма». Пример Швейцера показывает, что этот индивидуальный оптимум задается и

корректируется экзистенциальными регулятивами. Как показывает А. А. Гусейнов, к ним можно отнести *формулу субъект-субъектности* — Швейцер был «носителем индивидуального действия, то есть действия, направленного непосредственно от человека к человеку» [5, с. 238], и *подвижническую праксиологию*, понимаемую как «служение людям, и служение непосредственное, деятельное, когда человек становится рядом с человеком, испытывающим нужду» [5, с. 240]. В этом контексте примечателен один короткий разговор Швейцера со своим помощником Жозефом, когда на восклицание Швейцера: «Какой же я все-таки дурак, что взялся лечить этих дикарей!» — последний ответил: «Да, на земле ты действительно большой дурак, а на небе — нет» [30, с. 191]. Этот эпизод метафорически раскрывает «уровневый» аспект глобальности сознания. Оно (из самого себя) может и не осознавать интенсивность собственной динамики, воспринимая все, как само собой разумеющееся, тогда как из иной системы референций это отчетливо видно. Таким образом, оптимум сознания «корректирует сам себя» через введение регулятивов субъект-субъектности, который утверждает парадигму равенства, и альтруизма, который ориентирует на учет потребностей и интересов Другого.

«Полная правда о нашем положении состоит в том, что в силу нашей включенности во Вселенную каждый из нас помещен в каком-то слое или на склоне в особую точку, определяемую данным моментом мировой истории, местом нашего рождения и нашим личным призванием. И наша жизненная задача заключается в том, чтобы из этой точки, местоположение и высота которой могут быть различны, восходить к свету и тем самым к Богу через заданный ряд творений, которые на деле являются не препятствиями, но точками опоры при подъеме, полезными посредниками, необходимой пищей, силой, которую мы должны облагородить, элементами, которые мы должны усвоить и увлечь за собой.

Таким образом, в зависимости от все того же нашего исходного положения в вещественном мире, а также каждой последующей позиции, которую мы в ней займем, материя делится соответственно нашему усилию на две зоны: ту, которую мы достигли и миновали, к которой мы не сможем вернуться и в которой нельзя остановиться, ибо остановка означает движение вспять, — это зона материи, *взятой в ее материальном и чувственном аспекте*; другая, предоставленная нашим новым усилиям роста, поиска, покорения, «обожения», — зона материи, *взятой в аспекте духовном*. Граница между этими зонами весьма относительна и подвижна. <...> ... никакая душа не приходит к Богу, не проделав определенный путь через материю» [24, с. 68].

Возможно, подобная пространная цитата несколько выбивается из принятого нами научно-философского дискурса, но она наглядно показывает ноосферную картину мира в индивидуальной ее репрезентации, характерную для мировой творческой

интеллигенции [17; 18] первой половины XX века. Тогда казалось, что смысл экзистенциальной динамики заключен в восхождении к Богу или точке Омега... Сейчас многие смотрят на подобную трактовку, как на религиозную, если не мистическую. На самом же деле суть не в том, куда, к кому или чему нужно двигаться. Смысл в самом выходе из исходной точки, в трансцендировании, в желании большего. При этом, заметим, такой выход предполагает «соответствующее усилие», которое, как нам представляется, задается уровнем сознания: локальность сознания отвечает первой зоне материи, тогда как его глобальность отвечает за движение во второй зоне. Идея движения из зоны «чувственной материи» в зону «духовной материи» весьма показательна. Здесь самым существенным является тот момент, что первая зона — это пространство абсурда, бессмыслицы, в нем реальному человеку нет места. Заметим, что она находится в постоянном движении, то есть она расширяется (в настоящем — за счет совершенствования техносферы); она как бы подгоняет человека к выходу из себя. Но иногда она затягивает и не отпускает человека, что грозит деградацией последнего в тупиковых формах постчеловека, E-homo и т. п. Зона духовной материи, напротив, манит человека реальностью смысла жизни, возможностью выхода на пределы собственного Я. В нашем понимании способность трансцендирования к ... как раз и определяет присутствие в человеческом доли ноосферного, которое предлагает порой оригинальные варианты противодействия дальнейшему разворачиванию общества глобального потребления вширь и вглубь. Наверное, в этом и заключается телеология ноосферной истории [20; 22].

Библиографический список

1. Астафьева Н. С. Проблема формирования нравственных ориентиров в информационном обществе потребления // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Социально-гуманитарные и экономические науки: Сб. ст. Самара: Самар. гос. ун-т, 2017. С. 29—31.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
3. Василенко В. Н. Триалог о ноосферной природе и судьбе человечества // Век глобализации: Исследования современных глобальных процессов. 2008. № 2. С. 142—145.
4. Веряскина В. П. Блеск и нищета «Ното economicus»: теоретическая модель и ее онтологический статус // Философские науки. 2009. № 2. С. 9—27.
5. Гусейнов А. А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995. 351 с.
6. Гусейнов А. А. Нравственная природа человека // Человек в единстве социальных и биологических качеств. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. С. 220—227.

7. *Дмитревская И. В.* Реальность ноосферы и смысл бытия // Ноосферные исследования. Вып. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. С. 5—87.
8. *Ильин А. Н.* Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1-2. С. 147—160.
9. *Кочергин А. Н.* Философия в условиях глобализации // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 9—23.
10. *Лебедев К. С.* Проблема человека в глобальном мире // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 109—115.
11. *Меликян М. А.* Феномен ноосферного человека в контексте антропологической катастрофы // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 64—72.
12. *Меликян М. А.* Философема совершенного человека: история и современность // Вестник Ивановского государственного университета. 2016 № 2. С. 55—68.
13. *Меликян М. А.* Этология глобального человека // Ноосферные исследования. 2016. № 1-2 (13-14). С. 118—133.
14. *Музыченко А. В., Назарова Н. С., Стрижова И. А.* Общество потребления в эпоху глобализации: социально-политические аспекты. Одесса: Печатный дом, 2014. 196 с.
15. Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий); Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек / Отв. ред. Г. Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.
16. *Сартр Ж.-П.* Тошнота. Избр. произведения. М.: Республика, 1994. 496 с.
17. *Смирнов Г. С.* Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 69—79.
18. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 428 с.
19. *Смирнов Г. С.* Философия автотрофности человечества и глобальное сознание // Век глобализации. 2017. № 1 (17). С. 20—32.
20. *Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.* Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3. № 1. С. 21—28.
21. *Смирнов Д. Г.* Семиотические основания эволюции универсума // Вестник Костромского государственного университета. 2011. Т. 17. № 3. С. 80—84.
22. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
23. Совершенный человек. Теология и философия образа. М.: Институт Востоковедения, Валент, 1997. 447 с.
24. *Тейяр де Шарден П.* Божественная среда. М.: Изд-во «Ренессанс» СП «ИВО-Сид», 1992. 311 с.

25. Тихонова С. В. Мифология брендинга в обществе глобального потребления // *Власть*. 2008. № 9. С. 45—49.
26. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
27. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? М.: Аст; Астрель, 2009. 442 с.
28. Фромм Э. Искусство быть. М.: Аст; Астрель, 2012. 224 с.
29. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
30. Швейцер А. Письма из Ламбарене. Л.: Наука, 1989. 473 с.
31. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.

References

- Asta'eva, N. S. (2017) Problema formirovaniia npravstvennykh orientirov v informatsionnom obshchestve potrebleniia, in: *Traditsii i innovatsii v stroitel'stve i arkhitekture. Sotsial'no-gumanitarnye i ekonomicheskie nauki: Sb. st.*, Samara: Samar. gos. un-t, pp. 29—31.
- Baudrillard J., (2006) *Obshchestvo potrebleniia. Ego mify i struktury*, Moscow: Respublika; Kul'turnaia revoliutsiia.
- Dmitrevskaia, I. V. (2002) Real'nost' noosfery i smysl bytiia, *Noosfernye issledovaniia*, no. 2, pp. 5—87.
- Frank, S. L. (1992) *Dukhovnye osnovy obshchestva*, Moscow: Respublika.
- Fromm, E. (2009) *Zabytyi iazyk. Imet' ili byt'?*, Moscow: Ast; Astrel'.
- Fromm, E. (2012) *Iskusstvo byt'*, Moscow: Ast; Astrel'.
- Guseinov, A. A. (1995) *Velikie moralisty*, Moscow: Respublika.
- Guseinov, A. A. (2012) Npravstvennaia priroda cheloveka, in: *Chelovek v edinstve sotsial'nykh i biologicheskikh kachestv*, Moscow: Knizhnyi dom «Librokom», pp. 220—227.
- Il'in, A. N. (2016) Krizis ekologii i ekologicheskogo soznaniia v obshchestve potrebleniia, *Vek globalizatsii*, no. 1-2, pp. 147—160.
- Kochergin, A. N. (2016) Filosofii v usloviakh globalizatsii, *Idei i ideally*, T. 1, no. 3 (29), pp. 9—23.
- Lebedev, K. S. (2015) Problema cheloveka v global'nom mire, *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filosofii*, no. 2, pp. 109—115.
- Melikian, M. A. (2014) Fenomen noosfernogo cheloveka v kontekste antropologicheskoi katastrofy, *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 1, pp. 64—72.
- Melikian, M. A. (2016) Etologiiia global'nogo cheloveka, *Noosfernye issledovaniia*, no. 1-2 (13-14), pp. 118—133.
- Melikian, M. A. (2016) Filosofema sovershennogo cheloveka: istoriia i sovremennost', *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 55—68.

- Muzychenko, A. V., Nazarova, N. S., Strizhova, I. A. *Obshchestvo potrebleniia v epokhu globalizatsii: sotsial'no-politicheskie aspekty*, Odessa: Pechatnyi dom/ Problema sovershenstvovaniia cheloveka (v svete novykh tekhnologiiia); Transgumanizm i problema sotsial'nykh riskov. Reduktsionizm kak soblazn nauk o cheloveke. Ob idolakh i idealakh biotekhnologicheskogo samoizobreteniia cheloveka. Kak vozmozhnen sovershennyi chelovek (2016), G. L. Belkina (ed.), Moscow: LENAND.
- Sartr, J.-P. (1994) Toshnota. Izbr. Proizvedeniia, Moscow: Respublika.
- Schweitzer, A. (1973) Kul'tura i etika, Moscow: Progress.
- Schweitzer, A. (1989) Pis'ma iz Lambarene, Leningrad: Nauka.
- Schweitzer, A. (1992) Blagogovenie pered zhizn'iu, Moscow: Progress.
- Smirnov, D. G. (2011) Semioticheskie osnovaniia evoliutsii universuma, Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, T. 17, no. 3, pp. 80—84.
- Smirnov, D. G. (2012) Noosfernaia ideia i noosfernaia istoriia. Ivanovo: Ivan. gos. un-t.
- Smirnov, G. S. (2001) Mirovaia intelligentsiia i noosfera: prostranstvo filosofskogo diskursa, *Intelligentsiia i mir*, no. 1, pp. 69—79.
- Smirnov, G. S. (2016) Obrazovanie noosfery: mirovaia intelligentsiia i global'noe soznanie, Ivanovo: Ivan. gos. un-t.
- Smirnov, G. S. (2017) Filosofiiia avtotrofnosti chelovechestva i global'noe soznanie, *Vek globalizatsii*, no. 1 (17), pp. 20—32.
- Smirnov, G. S., Smirnov, D. G. (2012) Ipostasi noosfernoi istorii, *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriia: Gumanitarnye nauki*, T. 3, no. 1, pp. 21—28.
- Sovershennyi chelovek. Teologiiia i filosofiiia obraza (1997), Moscow: Institut Vostokovedeniia, Valent.
- Teilhard de Chardin, P. (1992) Bozhestvennaia sreda, Moscow: Izd-vo «Renessans» SP «IVO-SiD».
- Tikhonova, S. V. (2008) Mifologiiia brendinga v obshchestve global'nogo potrebleniia, *Vlast'*, no. 9, pp. 45—49.
- Vasilenko, V. N. (2008) Trialog o noosfernoi prirode i sud'be chelovechestva, *Vek globalizatsii: Issledovaniia sovremennykh global'nykh protsessov*, no. 2, pp. 142—145.
- Veriaskina, V. P. (2009) Blesk i nishcheta «Homo economicus»: teoreticheskaia model' i ee ontologicheskii status, *Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 9—27.